

КАПИТАН СТРАХОВ

КОУЧ В САПОГАХ

ЖИЗНЬ И СЛУЖБА,
СТРАХИ И ОТКРОВЕНИЯ

16+

Капитан Страхов

Коуч в сапогах

«Автор»

2026

Страхов К.

Коуч в сапогах / К. Страхов — «Автор», 2026

Мы все читали книги об успехе — с графиками, кофе в коворкинге и красивыми советами. Но мало кто пишет о тех, кто ночами не может уснуть от мыслей о призыве. О матерях, у которых сердце замирает от одного слова «армия». О тех, кто уже носит погоны — и чья ежедневная служба остаётся невидимой. Сегодня страх перед армией — самый частый гость в домах призывников. Но главный секрет в том, что и я, офицер, научился бояться. Бояться равнодушия родителей, ошибок молодых ребят, непонимания общества и пустующих кресел, когда уходят лучшие. Пора развеять мифы. С уважением, капитан Страхов. Эта книга — откровенный разговор без салютов и без истерик. Офицер с 20-летним стажем, прошедший путь от солдата-срочника до должности подполковника, становится вашим проводником в мир, о котором много говорят, но мало кто знает изнутри. Вся правда об армии. Для призывников, родителей и тех, кто служит. Просто. Честно. По-мужски. Читайте первыми.

© Страхов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Введение	6
е8 = Q. Превращение	8
Родителям	9
Глава	10
БЛОК I ГОД, КОТОРОГО НЕ СТОИТ БОЯТЬСЯ	11
ГЛАВА 1 Чужой страх Почему сегодня бояться того, чего уже нет	11
ГЛАВА 2 Современная армия без мифов Где правда, а где легенды	14
ГЛАВА 3 Год От мальчика — к мужчине	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Коуч в сапогах

Глава

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память компьютера, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Здравствуй!

В наш век высоких скоростей и цифрового шума ты держишь в руках бумажную книгу. Почему? Ведь можно бесконечно листать ленту, смотреть гневные или пафосные блоги, ставить лайки и писать комментарии, сидя на удобном диване. Это проще. Там всё ярко, быстро и... далеко.

Мир потребляет образы. Армия в интернете — это либо выметенный до блеска плац и парадные улыбки, либо страшилки и негатив. Но за экраном смартфона не чувствуется запах казармы, не ощущаются ни пот на солдатской подушке, ни тяжесть берцев после марш-броска.

Я написал эту книгу, потому что хочу поговорить с тобой по-другому. Без суеты. Без желания «хайпануть».

Книга — это не рилс, который смахиваешь пальцем за секунду. Это диалог. Тихий, вдумчивый разговор один на один. Ты вчитываешься в строки и за буквами слышишь не только мой голос, но и скрип сапог, гул техники, напряжённую тишину на границе. Это моя исповедь, которую я доверяю тебе.

Кто я такой, чтобы говорить с тобой об этом?

Я прошёл этот путь с самого начала. Я помню тот коктейль эмоций солдата-срочника: обиду, гордость, злость, восторг. Я знаю, что такое армейский юмор, спасающий рассудок, и каким вкусным бывает горячий чай без сахара, когда ты выжат до предела, но не сломлен.

Но чтобы понять службу по-настоящему, одной срочной мало. Нужна дистанция. Нужны годы, чтобы, как в чистой воде, осела муть и на дне остались только отшлифованные камни истины.

Моё понимание менялось вместе со званиями.

Когда ты становишься сержантом, а потом офицером, ты перестаёшь быть просто бойцом. Ты начинаешь видеть за личными номерами судьбы. Ты видишь мальчишек, вчерашних школьников, с их страхами и наивными мечтами. И с каждым приказом ты ощущаешь всю тяжесть ответственности за чьи-то жизни.

Но последняя дверь понимания открылась мне не в штабе, а дома. Когда я сам стал отцом.

Когда держишь на руках своего ребёнка, слово «ответственность» обретает бездонную глубину. Возвращаясь к службе, я стал смотреть на солдат иначе. Сквозь призму отцовства. Я увидел, что каждый из этих парней — чей-то сын, чьи ссадины дома заклеивали пластырем, чьи успехи были главным счастьем семьи.

Родители доверили нам самое ценное. И каждый командир отвечает не перед статистикой, а перед матерью и отцом, которые ждут сына домой.

Именно этот сплав — солдатская койка, офицерские звёзды и сердце отца — даёт мне право говорить с тобой честно. Спокойно. Взвешенно.

Мы часто слышим споры о том, какой должна быть современная армия. Но правда в том, что армия — это зеркало общества. В казарму приходят ребята, которых воспитала семья и школа. Если на входе мы получаем юношей с размытыми ценностями и слабым здоровьем, армия вынуждена тратить силы не на военную науку, а на то, чтобы восполнить пробелы воспитания.

Настоящая сила рождается в головах и сердцах мальчишек ещё до присяги. Армия лишь ограняет этот камень.

Эта книга — о том, как пройти этот путь достойно.

Пройти службу — это не только про строевую и стрельбу. Это про принятие. Про умение быть частью целого. Про то, каким тяжёлым бывает молчание товарища и как важно вовремя подставить братское плечо.

А ещё эта книга о том, что будет «после».

У меня на столе лежит календарь с датой моего выхода в запас. Страшно ли мне? Нет. Я испытываю уверенность. Я вижу своих товарищей, которые ушли на гражданку до меня. Полковника, построившего успешный бизнес на тех же принципах порядка, что и в части. Сержанта, ставшего фермером.

Они не вынуждены выживать без погон. Они побеждают. Потому что служба дала им универсальный код победителя: дисциплину, волю и ответственность. Этот актив не сгорает и не обесценивается.

Моя служба Родине не закончится за воротами КПП. Она просто изменит форму. И твоя служба — будь то срочная, по контракту или просто честная мужская жизнь — тоже имеет смысл.

Переворачивай страницу. Давай поговорим о том, как стать сильнее, как победить страх и как выйти из любых испытаний человеком, которым можно гордиться.

Выключи всё, что тебя отвлекает.

Разговор начался.

e8 = Q. Превращение

Я рос самым обычным пацаном. В шесть лет я выиграл свою первую шахматную доску. В девяностые годы хорошие вещи были дефицитом, и эта простая доска стала моим сокровищем. Я берёг её, протирал фигуры и часами сидел над чёрно-белым полем. В десять лет я уже обыгрывал старшеклассников во дворе. Гроссмейстером я так и не стал, хотя позже, благодаря интернету, сыграл тысячи партий с шахматистами со всего мира. Но шахматы дали мне нечто большее, чем просто умение двигать фигуры. Они дали мне понимание жизни.

Почему я начал этот разговор именно с шахмат? В юности у меня была мечта — поставить возле родного села монумент. Странный для подростка памятник: пешка и ферзь. Для меня в этом был огромный смысл. Ферзь — это сила. В шахматной теории он оценивается в девять пешек, он сочетает в себе мощь ладьи и слона. Это мощный воин, способный переломить ход битвы в одиночку. А пешка — это простой солдат. Самая слабая фигура на доске, которой часто жертвуют ради позиции. Но я всегда особенно ценил пешки. Потому что у этого маленького солдата есть два великих преимущества, которых нет даже у короля. Во-первых, пешка физически не умеет отступать: у неё нет хода назад. А во-вторых, это единственная фигура, которая может стать кем угодно. Она может стать ферзём, если будет бороться.

Шесть клеток. Всего шесть шагов отделяют её от превращения. Кажется, так мало.

С годами я понял: эти шесть клеток — целая жизнь. На этом пути будут бои, потери, хитрая тактика противника и моменты отчаяния. Пешка либо погибает, либо стискивает зубы и идёт вперёд. И если она доходит до конца, происходит то самое чудо, которое в шахматной нотации записывается коротко: e8 = Q. Превращение.

Но ферзь, вышедший из пешек, — это не просто сила. Это совсем другое качество. Это опыт, ответственность и долг. Такой ферзь защищает короля, но никогда не забывает о пешках. Он помнит, каково это — быть слабым и идти в первом ряду. Он знает цену каждому шагу, потому что прошёл этот путь своими ногами.

Сегодня модно держать дома дорогие подарочные шахматы — из камня или резного дерева. Они стоят как сувениры, пылятся на полках. Но однажды я увидел мальчишек в обычном дворе. Они играли на старой, потёртой доске с облезлыми фигурами. Они так увлечённо спорили и думали над ходами, что даже не заметили, как я подошёл и стал наблюдать. Глядя на эти «рабочие» шахматы будущих мужчин, я вспомнил наши детские партии. В полутьме, при свечах. Я подумал: а ведь они на правильном пути.

К чему я всё это рассказываю? К тому, что в жизни, как и на доске, каждый может пройти этот путь. От пешки до ферзя. От сомневающегося солдата срочной службы до уверенного офицера. От неуклюжего юноши до мужчины, на которого можно опереться.

Моя личная трансформация началась именно в армии. Там я понял одну важную вещь, о которой не пишут в учебниках по шахматам: чтобы пешка стала ферзём, недостаточно просто дойти до конца.

Но этот секрет превращения я оставляю для нашей последней партии.

Родителям

В жизни каждого есть люди, которым мы обязаны всем. Для меня это родители. Они не просто растили меня — они готовили солдата для будущих сражений. Без их надежного тыла я бы не дошёл до своего $e8 = Q$.

Особое место в моём сердце занимала бабушка. Даже после сорока я не стыдился слёз у её могилы, и мои дети видели это. Цените близких, пока они с вами. Говорите им, что любите.

Обретение нашей страной независимости стало испытанием для всех. Дефицит, очереди за хлебом, экономическая нестабильность — всё это было нашей реальностью. Но тогда я не понимал, насколько трудно родителям приходилось. С годами я осознал: они тоже жили впервые.

Их союз держался не на сантиментах, а на взаимной поддержке. Они обороняли наш семейный очаг, словно гарнизон крепости. Даже когда снаряды экономики били по дому, они не сдали позиций и остались верны друг другу.

Главным их даром мне была свобода. Они не решали всё за меня, а позволяли совершать ошибки и учиться на них. Это был баланс между поддержкой и самостоятельностью. Они не командовали — они направляли.

Я помню, как мама трудилась на нескольких работах, чтобы у нас была хотя бы кроха радости. Как мы ждали отца с продуктами, и он никогда не ругал меня. Они были не просто родителями — они были командой.

За нашим скромным обеденным столом все проблемы отступали на второй план. В эти моменты я понимал: настоящая сила в единстве.

Сейчас, слава Всевышнему, они живы и здоровы. Живут в новой просторной квартире и дарят свою любовь десяти внукам. Всё, что у них есть, — результат честного и кропотливого труда.

Какие уроки я извлёк?

Семейные узы важны. Это твой тыл в любой битве.

Свобода и ответственность — это ключ. Научиться падать — значит научиться вставать.

Трудности закаляют. Если смогли они, смогу и я.

Сегодня, будучи отцом и главой семьи, я каждый день по-новому осмысливаю их подвиг. Они не просто пережили тяжёлые времена — они победили.

Дорогие мама и папа, если вы читаете эту книгу, — спасибо! За каждую жертву, каждую ночь без сна, каждую улыбку вопреки боли. Вы сделали моё детство полным радости даже в серые 90-е.

Глава

Почему моя книга должна быть простой?

Письмо племяннику от капитана Страхова

Мне могут сказать: «Капитан, ты упрощаешь. Служба — это сложно. Это стратегия, тактика, уставы, доктрины и национальная безопасность».

Я знаю. Я прожил в этой сложности более двадцати лет.

Но эта книга не для военных магистрантов. И не для псевдоэкспертов, которые всю жизнь ломают копыя в спорах о реформах в армии.

Эта книга началась с письма моему племяннику в райцентр. Ему семнадцать. Он не знает, что такое КПП, санчасть и устав. Он знает, что такое помощь соседу в гараже, футбол с друзьями и тревога в глазах матери, когда заходит речь о службе. И эта книга — для его мамы. Для которой её сын — весь мир.

А потом я понял: таких племянников и матерей тысячи. Как и таких же молодых солдат, которые уже в строю, но ищут точку опоры, и офицеров, которые помнят, как всё началось.

Вот для кого я пишу — для тебя. Потому что самое важное всегда просто. Не нужно знать наизусть устав, чтобы понимать, что такое честь. Не нужно быть тактиком, чтобы ценить дисциплину. Не нужно разбираться в военной науке, чтобы хотеть возвращения сына домой настоящим мужчиной.

Споров об армии много. Громких, яростных, бесконечных. Многого из прошлого уже не вернуть. И никакими дискуссиями в эфирах уже не исправить ошибок. Именно поэтому сегодня важнее всего простота и ясность.

Я не пишу инструкции. Я пишу письмо. Длинное, искреннее.

Я пишу так, чтобы мать поняла, что будет с её сыном, и перестала бояться неизвестности.

Я пишу так, чтобы отец вспомнил свою юность и нашёл нужные слова для напутствия.

Я пишу так, чтобы парень лет семнадцати, прочитав это, почувствовал себя будущим солдатом, который нужен своей Родине.

Я пишу и для того, чтобы солдат в казарме знал цену своего пути, а офицер помнил, кого он растит.

Я перевожу сложный язык армейской машины на человеческий. Заменяю термины образами, параграфы уставов — историями, а стратегические концепции — простыми истинами о дружбе, долге и выживании.

Это мой вклад. Вклад не в дискуссии, а в то, чтобы убрать страх перед неизвестностью. Чтобы между нами — всеми нами — появился мост из простого человеческого понимания.

Да, я не раскрываю всех глубинных проблем. Но если после прочтения этой книги одна мать скажет своему сыну: «Я теперь больше понимаю. Я меньше боюсь за тебя». Если один молодой парень, приходя в часть, будет знать не понаслышке, что его ждёт, и оттого станет увереннее. Если сержант или офицер, листая эти страницы, кивнёт: «Да, именно так. Именно так и есть».

Значит, я всё сделал правильно.

БЛОК I ГОД, КОТОРОГО НЕ СТОИТ БОЯТЬСЯ

ГЛАВА 1 Чужой страх Почему сегодня боятся того, чего уже нет

Страх перед армией — как старый, замызганный рюкзак, который передают по наследству. Его набили в 90-е годы, донесли до наших дней и теперь вручают тебе, даже не заглядывая внутрь. «Держи, дружище, пригодится». А внутри — не реальность, а окаменевшие тени прошлого.

Я родился в начале 80-х. Моё детство и юность — это как раз те самые «лихие 90-е». Я не служил тогда. Я был пацаном, который впитывал окружающий мир. И этот мир сам кричал об армии как о месте бедствия. Я помню, как старшие ребята с нашего двора возвращались со службы не подтянутыми солдатами, а какими-то озлобленными мужиками в шинелях. Они не рассказывали о тактике или долге. Они, хрипя от папирос, плевались матом и говорили про «дедов», про то, как дрались в туалете, как приходилось выживать от голода. Это были не

страшилки из книг, а живые свидетели, мои вчерашние кумиры из того же двора и секции по борьбе. Их слово для нас, пацанов, было тогда законом. И их вердикт был один: армия похожа на ад.

Я видел это и по-другому. Помню пустые полки в магазинах. А когда давали электричество, по чёрно-белому телевизору крутили сплошь сюжеты про «неуставные отношения» в частях, про солдатских матерей, штурмующих военкоматы, про войны в мире. Государство тогда делало первые шаги, и для меня, подростка, всё выглядело бедно. Армия предстала самой больной, самой бесправной частью. Страх в обществе был не абстрактным. Он был осязаемым. Для родителей отправить сына в армию в 1992-м было равносильно отправке на войну. Они действительно не знали, вернётся ли он. Этот коллективный ужас впечатался в культурный код целого поколения — и в мой в том числе.

Позже, когда я уже пришёл служить — в самом начале 2000-х, — этот страх был моим первым противником. Но я увидел и другую сторону. Мои первые командиры, прапорщики и офицеры старой закалки, которые прошли через эту “мясорубку” 90-х, были для меня главными «учебниками». За чаем в каптёрке они нехотя, скупно, без пафоса рассказывали, как это было на самом деле. Не для прессы, не для статистики — для жизни. Про то, как сами голодали, как поддерживали хоть какой-то порядок. Как выбирали между уставом и «понятиями», чтобы сохранить людей в строю. Их рассказы были лишены истерики. Это были отчёты «выживших» прапорщиков и закалённых офицеров — вчерашних курсантов, которые бегали в самоволку ради еды. И из этого я понял главное: да, тот период был мрачным и жёстким. Но даже тогда были военнотружущие, пытавшиеся остаться людьми. А главное — эта эпоха закончилась. Мы выстояли.

Но психика устроена коварно. История, рассказанная с болью, переживает факты на десятилетия. Тот, кто прошёл через тот бардак, будет нести этот шрам всегда. И когда его сыну исполняется 18, он говорит не про реформы и реальную современную службу. Он говорит своей давней, незажившей раной: «Там голод! Там драки!» Он прав в своих чувствах, но он говорит про своё время. Его сын же слышит не даты, а вечный ужас: армия равно боль. Этот страх становится семейной реликвией, бытовым фольклором. «Вот дядя служил — еле ноги восстановил». И никто не уточняет, что дядя служил ещё при развале того Союза.

Потом подключилась вторая машина страха — медиапространство, а следом за ним и цифровой мир. И здесь, благодаря алгоритмам соцсетей, происходит самое страшное искажение.

Я расскажу вам, как это работает, уже с позиции офицера, пытающегося понять мир соцсетей. Когда я начал писать книгу, для тестирования алгоритмов и понимания заинтересованности общества я выложил несколько мотивирующих роликов — для родителей и призывников. Показал нормальную, человеческую сторону службы. Выложил... 150 подписчиков, из которых 95% — моё окружение, и пара десятков лайков — от своих же. Всё. Алгоритм посмотрел на это и сказал: «Скучно. Мирно. Не цепляет». И похоронил ролик.

А потом какой-то солдат из другой страны снимает постановочное видео, как «дед» унижает новобранца. Мутно, но эмоционально. Шок. Гнев. Возмущение масс. Алгоритм трепещет от восторга. Люди взаимодействуют! Значит, это важный контент! И он начинает показывать это видео миллионам. И ему неважно, что это инсценировка. Неважно, что такая ситуация сегодня — ЧП, а не дедовщина. Важны эмоции.

Страх, как самая сильная эмоция, разлетается быстрее всего. Алгоритм — лишь бездушный усилитель наших древних инстинктов. Он не различает правду и ложь, он не добрый и не злой. Алгоритм различает вовлечённость аудитории. Нас.

И вот мы получаем шторм, который бьёт по сознанию нынешнего призывника:

1. Историческая травма

— реальная боль 90-х, которую он впитал в детстве, через разговоры во дворе и на кухне.

2. Семейное эхо

— родители, транслирующие свой давний, застывший страх.

3. Цифровое искажение

— алгоритмы, выжимающие из этой темы самые грязные, вирусные соки.

В итоге парень в 2026 году боится не армейской реальности. Он боится фантома. Призрака, собранного из обрывков его детских впечатлений, родительских нотаций и вирусных роликов. Его страх — не его. Он унаследован. Он коллективный. И в этом — ключ к его преодолению.

Самое важное. Пока ты считаешь этот страх своим личным ужасом, он парализует. Но стоит лишь разобрать его на части — понять, что твой сегодняшний страх родом из твоего же вчерашнего детства, из чужих, уже отживших историй, — как он теряет власть. Ты видишь: это не про сегодня. Это эхо. Это не твоя битва.

Когда родитель говорит: «Я боюсь за тебя», — он почти всегда боится не той армии, в которую предстоит идти его сыну. Он боится той, из которой вернулся сломленным его дядя, или той, о которой кричали в телевизоре, когда он сам был молод. Его страх реален и уважаем. Но его объект — уже в прошлом.

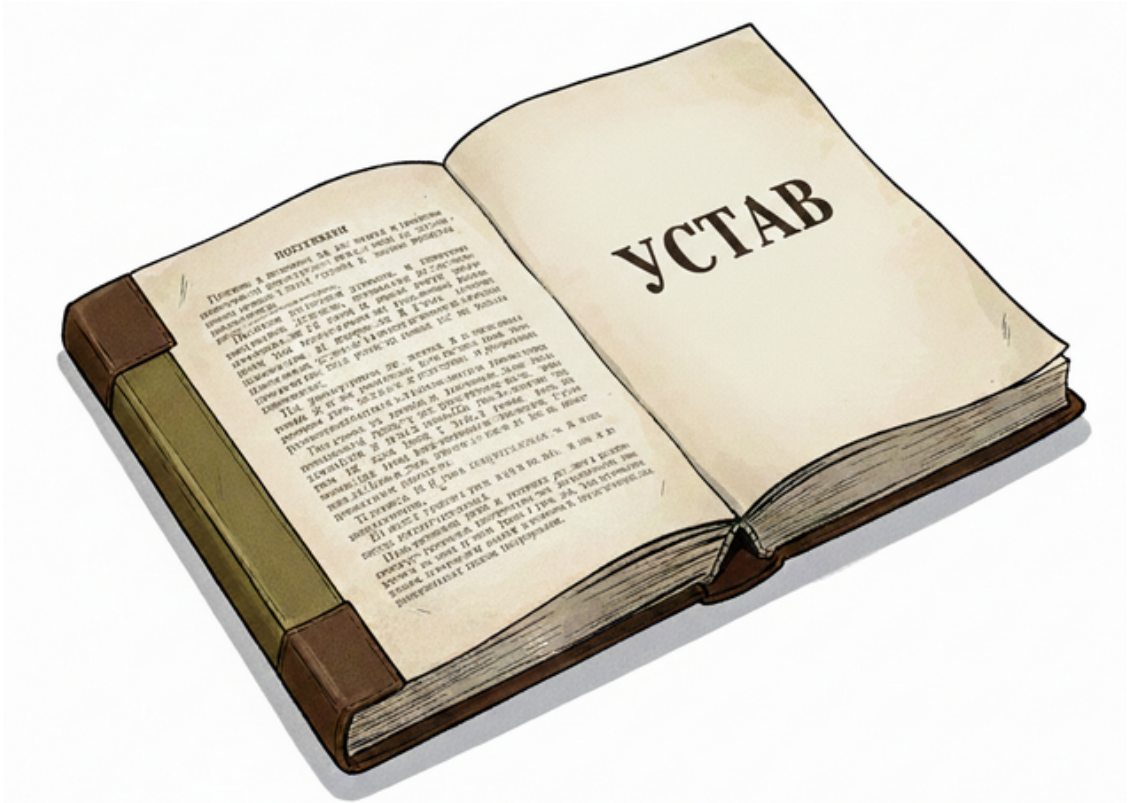
Моя цель — не убеждать, что в армии сейчас идеально. Нет. Моя миссия — дать тебе инструмент для трезвого взгляда. Отделить живую, сегодняшнюю службу с её реальными сложностями и смыслами от цифрового призрака вчерашнего дня.

Страх перестаёт быть детским монстром у кровати, когда включаешь свет и видишь, что это просто складка старого одеяла, оставшегося с тех самых далёких времён. Давайте включим свет. Разберём этот страх по косточкам. А разобрал — выбросим тот самый старый рюкзак. Он нам больше не понадобится.

Потому что в следующих главах мы поговорим о том, что же на самом деле ждёт тебя за воротами КПП. Не в кино, не в хронике 90-х, а здесь и сейчас. По-честному.

Истории 90-х были болезненными, но они не описывают сегодняшнюю реальность. Отделив прошлое от настоящего, нужно перестать бояться фантома и начать смотреть на службу трезво — без иллюзий и без паники.

ГЛАВА 2 Современная армия без мифов Где правда, а где легенды

Слово «дедовщина» в нашем обществе весит, пожалуй, больше, чем весь воинский устав. Оно настолько прочно засело в сознании, что стало своего рода мрачным фольклором, городской легендой, которую передают из поколения в поколение. Это слово работает как обязательный полис страха, которым пугают мальчишек задолго до того, как в почтовый ящик упадёт первая повестка. О ней с уверенностью рассуждают даже те, кто ни разу не подходил к забору воинской части ближе, чем на триста метров.

Но давай начистоту. Правда ли это или инерция мышления?

Когда я солдатом прибыл на пограничную заставу в 2001 году, «дедовщина» ещё была. Та самая — грубая и примитивная. С жёсткой иерархией, где «старики» считали себя вершиной пищевой цепочки, а молодые были для них лишь ресурсом. Но, глядя на это изнутри, я очень быстро разгадал главный секрет этой «системы».

Дедовщина — это не система. Это спектакль. Спектакль, где роли распределены заранее, но сценарий написан человеческой слабостью. В этой пьесе всегда были несколько актёров — громких, напористых парней, часто глубоко неуверенных в себе, но очень старающихся выглядеть грозно. А остальные — это статисты. Молчащие, соглашающиеся, терпящие. Не потому, что слабые физически, а потому, что уверены, что так принято. Эта схема держалась не на кулаках «дедов», а на страхе коллектива сказать твёрдое «нет».

Я видел колоссальную разницу между самозваными «дедами» и настоящими старослужащими. Одних боялись, других уважали. И последних ценили по делу: за то, что они не уподоблялись тиранам, а были наставниками. Их авторитет рос не из страха, а из благодарности.

Когда пришло моё время стать «стариком», я сделал свой выбор. Я не просто отказался от статуса «деда» — я даже не думал о нём. Не из-за должности командира отделения, хотя я был ещё солдат, а из-за отсутствия надобности.

Объясню просто, на гражданском языке. Представь офис, где тебе, как опытному сотруднику, дают негласное право заставлять стажёра чистить ботинки или бегать за пирожками — просто потому, что ты работаешь здесь на год дольше. Глупо, правда? Бессмысленная трата времени и сил.

Так вот — на том участке границы нам было некогда заниматься глупостями. Участок был активный. Нужно было готовить замену, учить, тренировать, выполнять боевые задачи. Это называется «осознание долга». Когда ты понимаешь, что твоя настоящая сила не в том, чтобы заставить кого-то бояться, а в том, чтобы сделать его сильнее. Для себя. Для общего дела.

Я не бил, не унижал, не притеснял. Но я не святой. Я требовал — да. Требовал выполнения задач в отделении. Но я же и делил последнюю кружку чая у костра, последние спички. Учил, как правильно читать следы нарушителя, как ставить диагноз заграждению и как писать письмо домой, чтобы мама не волновалась. Мы — я и такие же простые ребята — были своего рода «антителами» в той среде. Мы молча, без манифестов, просто делали своё дело — и этим ломали ту систему изнутри. Поверьте, среди нас, «дедов» по иерархии того времени, тогда не осталось тиранов — мы сделали свой выбор. Наш призыв на этой заставе стал наставниками не по уставу, а по-человечески. И такой выбор тогда сделала тысяча парней. Мы разорвали этот круг на себе.

Поэтому запомни раз и навсегда, чтобы не портить нервы: **той старой, системной дедовщины, которой пугают в рилсах, больше нет.** Она умерла. Похороните её и не оплакивайте.

Почему я так уверенно об этом говорю? Потому что изменился сам фундамент службы. За последние двадцать лет произошли тектонические сдвиги.

Во-первых, срок службы. Раньше, когда служили два года, иерархия выстраивалась месяцами. Были «духи», «черпаки», «деды», «дембеля» — целая кастовая система. Сейчас, за один год, эта пирамида просто физически не успевает сформироваться. Солдат только успел понять, что к чему, освоил специальность — и уже пора домой. Те, кто застал летающие табуретки, — это уже мужчины под пятьдесят, воспитывающие внуков.

Во-вторых, прозрачность и контроль. У каждого солдата есть телефон. Связь с мамой уже не раз в месяц бумажным письмом, а практически мгновенная. Командиры знают: любой синяк сегодня — это звонок в прокуратуру завтра.

В-третьих, быт. Это уже не холодные казармы 90-х, где солдаты выживали. Питание, форма, аутсорсинг — всё это убрало почву для бытового унижения.

Но здесь важно не путать понятия. Армия — это строгая структура, и здесь всегда будет иерархия. Вопрос только в том, какая она.

Есть уставная иерархия — это скелет армии. Командир приказывает подчинённому, сержант командует рядовыми, опытный обучает новичка. Это нормально, это необходимо для выживания в бою, при обстановке, при ЧС. Без этого армия превратится в вооружённую толпу. Когда сержант требует заправить кровать по нитке или отжаться за опоздание на спортмассовую — это не унижение. Это дисциплина.

А есть нарушение уставных норм. Это когда требование не имеет служебного смысла и направлено только на то, чтобы растоптать личность: постирать чужое бельё, «подарить» телефон, терпеть оскорбления. Вот здесь проходит красная черта!

Уставная иерархия делает из парня мужчину. Нарушенная — ломает его.

Самый большой страх при слове «служба» всё ещё ассоциируется с конфликтами. Но прошу учесть: за два десятка лет службы у меня было меньше конфликтов, чем в средней школе. Прослужив два года срочной, из них полтора — командиром отделения, я ни разу не ударил солдата. Вместо этого были соревнования по борьбе и тридцать подтягиваний на турнике. Это я называю «армейской дипломатией». Суть проста: ты наглядно показываешь, что можешь дать отпор, но делаешь это без лишней показухи. Ты не прячешься по углам, но и не лезешь на рожон. Ты сочетаешь силу духа с юмором и поддержкой товарищей. Простая формула: «быть сильным и не унижить». Неважно, кто ты — призванный раньше, сержант или офицер. Принизать младшего — это всегда признак слабости и некомпетентности.

Но если старой дедовщины нет, почему мы всё ещё слышим о конфликтах? Откуда берётся «неуставняк»?

Мы столкнулись с побочным эффектом современности. Сейчас мы имеем дело не с системой, которую строит армия, а с людьми, которые в неё приходят.

Армия не создает «дедов». Армия — это зеркало без фильтров.

Современные казармы работают как реактор, где проявляются три типа людей. Основная масса — это адекватные парни, которые поняли секрет армейской дипломатии и достойно служат. Но есть и те, кто застрял в детстве, — разбалованные, не готовые выйти из зоны комфорта; армия их закаляет, и этот процесс бывает болезненным. И есть третья категория — носители «вируса». Те, кто пытается повторить свои школьные подвиги и утвердиться за счёт других; те, кто получает статью Уголовного кодекса за попытку внедрить личные «правила» в воинский коллектив.

Пойми простую вещь: этот вирус «дикости» — с гражданки. Солдатская книга пишется не в военкомате. Её черновик — в школьных коридорах, дворах и детской комнате. Двор и школа — это первая казарма. Буллинг, издевательство над «не такими», циничные съёмки унижений на телефон ради лайков в Тиктоке, культ силы из сериалов про 90-е, где право сильного возводится в абсолют, — всё это багаж, который призывник тащит с собой через КПП. Армия — великий уравниватель, она старается, чтобы слабые стали сильнее, а агрессивные научились контролировать эмоции. Но если в парня с детства не заложены понятия чести и уважения, армия лишь обнажит эту проблему.

Что делать родителям? Не ждите повестки. Армия вашего сына начинается сегодня, за кухонным столом. Вам кажется, что ваш сын золотой, и он точно не будет никого обижать. Но так думает каждый родитель. А потом мы видим сводки происшествий, где один солдат-агрессор «заражает» целую роту.

Чтобы подготовить парня к мужскому коллективу, чтобы он стал «антителом», а не «переносчиком», я предлагаю родителям освоить простой алгоритм. Я назвал его «СТОП-вирусом». Это не инструкция, это стиль общения, который может спасти судьбу вашего сына.

«С» — Спрашивать.

Не довольствуйтесь дежурным ответом «в школе нормально». Спросите: «Кто сегодня проявил агрессию в классе?» Учите сына наблюдать, анализировать поступки людей, делать выводы, а не быть просто зрителем. Пусть он научится видеть конфликты до того, как станут их частью.

«Т» — Требовать действий.

Это жёстко, но необходимо. Если он видит несправедливость — защитит ли? Отреагирует? Или промолчит? Объясните ему с детства: молчание равно соучастию. В армии это правило работает железно, и там молчаливое согласие может стоить дорого.

«О» — Объяснять.

Это тонкий момент. В чём разница между «доносом» и спасением товарища? Донос — это когда ты сдаёшь человека ради вреда или выгоды. Спасение — это когда ты сообщаешь о проблеме старшему, чтобы предотвратить беду. Как поступить, если унижают слабого? Не оставляйте его с этим вопросом один на один, дайте ему готовые сценарии поведения.

«П» — Показывать пример.

Это самое сложное. Если вы хамите официанту при детях, будьте уверены: в армии он нахамит повару или дневальному. Он просто скопирует вашу модель поведения. Но если на гражданке это может сойти с рук, то в армии этого не простят.

Всё сказанное выше — это мнение капитана Страхова. Офицера, который помнит свои солдатские сапоги. Я не говорю от имени всех вооружённых сил и комитетов, я говорю как человек, который видел систему изнутри — и из строя, и из кабинета.

Наша общая беда в том, что при любом ЧП мы ищем «одного». Общество обвиняет армию в жестокости. Армия пишет отчёты и проводит расследования. Начинается пинг-понг взаимной переписки. А за этим — уголовные дела, слёзы матерей, сломанные судьбы и карьеры. Нужно ли это всем нам?

Пора разорвать и этот круг. «Неуставняк» боится только одного — единства. Когда солдаты вместе смеются над шуткой, а не порознь жалуются на жизнь. Когда коллектив здоров, «вирус» вымирает сам.

Армия делает свою работу: ужесточает контроль, готовит современных офицеров-наставников, чистит ряды от тех, кто забыл о чести. Но и общество должно делать свою часть: воспитывать уважение к долгу, пресекать хамство во дворах и школах, учить сыновей быть мужчинами до того, как они наденут форму. Мы не по разные стороны забора. Нет. Оздоровить армию можно, только оздоровив общество. И наоборот. Это двустороннее движение.

Давайте объединимся. Без громких лозунгов. Просто сделаем так, чтобы в казармах служили наши сыновья, а не «вирусы», порождённые общим равнодушием.

Старой, системной дедовщины больше нет. Забудьте это слово. Самая эффективная профилактика «неуставняка» начинается не за забором войсковой части, а дома, в школе и во дворе. Чем сознательнее общество, тем сильнее и чище армия — и наоборот.

ГЛАВА 3 Год От мальчика — к мужчине

Если после прошлых глав тебе стало чуть спокойнее, то приготовься. Сейчас мы снимем ещё один фильтр. Речь пойдёт не о страхах. Речь пойдёт о тебе. О том, что с тобой произойдёт в следующие двенадцать месяцев. И почему этот год, о котором так часто говорят с волнением, может стать самым выгодным вложением в твоей жизни.

Меня, как и тебя, в армию привёл не только долг. Привело смутное, невысказанное ожидание. Ожидание какой-то проверки. Той самой, которой сейчас не хватает в мире, где всё можно симулировать: успех — в соцсетях, знания — в Гугле, уверенность — за экраном. Но армия не симулятор. Здесь проверка настоящая. И имя ей — дисциплина. Не та, о которой кричат на каждом углу, а та, которая рождается внутри, когда хаос снаружи становится невыносимым.

1. Первые дни. Диагноз.

Помню своё «добро пожаловать». Душный вагон, последние деньги, невыносимая жара на плацу. И первая просьба, которая казалась естественной:

— Разрешите попить, господин сержант?

Его ответ был первым уроком новой реальности:

— Питьевой режим, курсант. Вы на карантине.

Это не было жестокостью. Это было первое правило. Моё «хочу» перестало быть главным аргументом. Появилось общее «надо». Я встал в строй — в прямом и переносном смысле.

Потом была первая баня. Не та, о которой мечтаешь после дороги. Без пара, веников и прохладительных напитков. Сдавая свой поношенный китайский «Адидас», я сказал: «Жгите». Это был не жест отчаяния. Это был сознательный разрыв. Старое «я» — комфортная

и рыхлая оболочка — должно было сгореть. На выходе из бани я получил камуфляж, сапоги и тугой рулон портянок.

И вокруг — кажущийся хаос. Сотни таких же растерянных пацанов. Но это не хаос. Это зеркало твоего внутреннего состояния, умноженное на учебную заставу, на дивизион, на тысячу таких же солдат вокруг: беспорядочных, живущих импульсами, не умеющих подчиняться общему ритму.

Армия начинается с честной, безжалостной диагностики. И диагноз у большинства один: отсутствие внутреннего стержня. Каркаса.

2. Перегрузка. «НОЧЬ-НОЛЬ».

Мой страх был не перед армией. Он был перед обнулением. Перед тем мгновением, когда забудется всё, к чему я привык за восемнадцать лет. Авторитет на секции борьбы, статус во дворе, современная причёска. Моё прошлое. Всё это превратится в мираж. В этот миг ты чувствуешь себя абсолютно пустым — как чистый холст, на котором можно писать новую картину.

Так начинается перегрузка. RESET.

Первый акт этого древнего ритуала — стрижка. Холодная машинка сбривает виски, и с каждой прядью, падающей на бетонный пол, уходит часть твоего старого «я». Чёлка, за которой ты прятался, усики, которые ты растил, — всё это кучка мусора у ног. Ты подходишь к зеркалу и видишь бритоголового парня с широко раскрытыми глазами. Этот парень в отражении уже не ты. И первый закон этого нового мира гласит: теперь ты равен со всеми в этом строю. Сын столичного профессора и парень из села, отличник и троечник. Ваша еда и посуда — одинаковые, матрасы и бельё — единообразные. Ваша общая проблема теперь — неуверенность и упрямая искра надежды. Ваша общая задача — не дать этой надежде угаснуть.

Новая форма — это круто. Но она кажется грубой и пахнет казённым складом. Берцы будто весят тонну, кажутся большими и неудобными. Ты сбросил свою «гражданскую броню» и чувствуешь себя уязвимым. И в этой уязвимости — твоя будущая сила.

А после первой команды «отбой», когда стихает грохот дня, наступает главное — тишина. Ты лежишь на жёсткой, как щит, койке. Среди шестидесяти солдат, но пока один. Есть только ты, потолок казармы и колючее одеяло. Слышно, как ворочается сосед по койке, как кто-то тихо вздыхает в подушку, как у входа топчется дневальный. Ты понимаешь: связь с прошлым обрезана. Остался только твой мягкий стержень в душе, но он всё же есть. И начался отсчёт. «НОЧЬ-НОЛЬ».

И именно в этот момент, когда ты засыпаешь, происходит вспышка разума. Мозг, оторванный от привычного водоворота жизни, начинает работать в непривычном режиме. Он начинает вспоминать. Вспоминает не наставления, а лица. Морщинки у маминых глаз, которых раньше не замечал. Шрамы на руках отца. Брата, который что-то говорил об армии, но тебе некогда было его слушать. Их ценность возрастает в сотни раз, становится осязаемой, как грубая подушка под головой.

В эту ночь сознание начинает великую работу — переоценку. Память стирает всё искусственное и ненастоящее. Мозг готовит тело к жёсткому, но честному аудиту твоей натуры. Это и есть перегрузка. Мужская. Честная. Без права на откат к прежним версиям себя. Но только так, через «НОЧЬ-НОЛЬ», и перерождается характер. Только так парень понимает, что внутри у него с самого детства был стальной стержень. И теперь он знает, что им необходимо пользоваться.

3. Рождение системы. Не внешней — внутренней.

Через несколько дней страх начинает мутировать. Его сменяет странное чувство — ритм. Подъём, зарядка, завтрак, занятия. Каждая минута имеет смысл. Каждая задача — место. Этот жёсткий распорядок — освобождение. Освобождение от самого изнурительного на свете заня-

тия — придумывать, чем бы заняться. От бесконечного плавания в море возможностей, которые на деле оборачиваются прокрастинацией. Здесь время становится твоим союзником, а не тем, что ты убивал в соцсетях.

Это и есть первый кирпич дисциплины — система времени. Не тайм-менеджмент из суперкниг, а мышечное понимание: жизнь состоит из отрезков, и ты должен укладываться в них. Этот навык останется с тобой навсегда. Будешь ли ты строить бизнес, учиться или работать в офисе — ты будешь знать цену секундам.

Второй кирпич — система действий. В обычной жизни мы часто живем по схеме: захотел → начал → стало трудно/скучно → бросил. Армия ломает эту схему. Здесь работает другая: получил задачу → выполнил → доложил. Точка. Между «получил» и «докложил» нет места для «не хочу», «не могу», «не моё». Есть только процесс реализации. Это и есть та самая воля — не для подвигов, а для простого, ежедневного доведения дел до конца. Самый дефицитный навык в современном мире. Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.